

Культура, демократия и тоталитаризм. С. П. Залыгин filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Культура, демократия и тоталитаризм. С. П. Залыгин
заметки.

"Демократия и культура" - под таким примерно названием в последнее время в печати появляется множество выступлений. И это понятно: к тому толкает авторов все то, что называется нынче (к месту, а чаще - не к месту) современной российской демократией.

Нужно, однако, заметить: ну а где, в самом деле, в чем, в каких понятиях искать ответы на наши вопросы, если не в понятиях культуры? И что прежде всего следует по поводу подобных культурологических статей сказать?

Во-первых, отметим, что авторы занимаются в своих поисках не столько культурой как таковой, сколько бесконечным цитированием - кто, где и когда из авторитетных умов о культуре сказал.

Во-вторых, едва ли не все эти выступления пронизаны одной мыслью: даешь демократию, а уж она-то, безусловно, выдаст на-гора культуру!

Эта тенденция, будучи выражена и с большой эрудицией, и очень культурно, все равно остается некультурной. Более того - неприемлемой по отношению к культуре. Я вовсе не имею в виду упрекать кого-то персонально, речь идет о сложившейся нынче ситуации, в которой надобно подать и свой голос.

На мой взгляд, это, в общем, странное представление, будто демократия чуть ли не обязательно предшествует культуре, очень странная предусматривается последовательность: сначала демократия, потом - культура. Методология явно хромает хотя бы потому, что культура исторически появилась гораздо раньше демократии, когда этого понятия - в нынешнем его смысле - и вовсе не было. Лишь спустя долгое время культура произвела на свет демократию, но никак не наоборот.

Если иметь в виду государственные формации, именно культура (включая и науку, и технику) обуславливает смену рабовладельчества феодализмом, феодализма капитализмом и неудачную попытку социализма сменить капитализм. Эту неудачу следует объяснить еще и тем, что социализм, обладая политической идеей, не обладал своей собственной культурой, полагая, что она сама собой явится в результате революции. Но как показала дальнейшая практика, социализм дальше соцреализма не пошел. И это при том, что никто и никогда не поносил своих предшественников и всю предшествующую культуру столь же грубо и бескультурно, как это делал социализм.

На этот случай социализм обзавелся собственными теориями соцстроительства и коммунистического будущего, в то время как все предшествующие социальные и государственные формации приходили и уходили как бы сами по себе, в результате изменения культур, а вовсе не в силу чьих-то замыслов и фантазий. Фантазий, которые к тому же ни много ни мало объявляли себя началом истории человечества, полагая, что начинают-то они чуть ли не с нуля. А ведь в истории нуля нет. Во всяком случае, он нам неизвестен и не будет известен никогда. Практика социализма была противоестественной: едва человек становился руководителем своей партии, как тут же он объявлялся и "выдающимся" теоретиком, и "основоположником". Не говоря уж о Ленине, и Сталин становился таковым, и Хрущев, и Брежнев. Да ведь и Горбачев не избежал, куда там. И Ельцин клонит туда же. А новая русская демократия тоже считает себя неиссякаемым источником культуры.

Большая беда! Теории, срочно разработанные аппаратными помощниками по первому требованию первого лица, - разве это не беда?

Демократия-то как явление политическое - временна, а постоянство (относительное) она может обрести только в недрах культуры.

Одна из основных задач демократии (вопреки ложному понятию "советский народ") - создание приемлемых условий существования и сосуществования разных слоев и прослоек общества, если на то пошло - разных его сословий.

Но тут, однако же, надо вернуться к исходным понятиям, прежде всего к понятию культуры.

Культура, демократия и тоталитаризм. С. П. Залыгин filosoff.org
Трудное дело. Гораздо более трудное, чем сбор цитат на этот счет, значительная часть которых не столько уточняет, сколько размывает это понятие.

Но ничего не поделаешь - придется прибегать к цитатам. Хотя бы и к самым ходовым.

К энциклопедическим.

Если Даль в 1881 году говорил достаточно кратко и вразумительно, что культура (в том смысле, который нас интересует) есть "образование умственное и нравственное", то последние наши словари и энциклопедии выдают на эту тему большие статьи и все равно не могут управиться. Тема-то все усложняется, все размывается, все больше требует изъяснений и расшифровки, поскольку культура действительно все разнообразнее воздействует на человечество.

И вот уже "Словарь русского языка" 1982 года, сто лет спустя, из кожи лезет, чтобы довести до сведения читателя, что же все-таки представляет собою это понятие:

"1. Совокупность достижений чел-го общества в производственной, общественной и духовной жизни... 2. Уровень развития, степень развития какой-то отрасли хозяйственной или умственной деятельности... 3. Наличие условий жизни, соответствующих потребностям просвещенного человека... 4. Просвещенность, образованность, начитанность..." и еще 5, 6, 7 - уже в специальном, а не в общем смысле, не в том, который нас, собственно, интересует.

В Большой Советской Энциклопедии (1953) существование понятия единой "культуры" отрицается, зато на многих страницах излагается, что есть "культура социалистическая": что это "высшая форма культуры, впервые сложившаяся в Советском Союзе после победы Великой Октябрьской социалистической революции в ходе строительства социализма", и "коммунистическая идейность, народность, гармоническое сочетание советского патриотизма и пролетарского интернационализма", "преемственность лучших, прогрессивных завоеваний культуры всех времен и народов, национальная форма, в которой выражено социалистическое содержание". "Социалистическая культура проникнута пролетарским, социалистическим содержанием".

И т. д., и т. д. в том же духе, как я уже сказал - на нескольких страницах.

Никак не вспомню, что же все-таки я думал, читая всю эту абракадабру в те, 50-е годы? Вернее всего - ничего не думал.

"Советский энциклопедический словарь" (1990) в общем-то повторяет словарь выше уже цитированный, - "Словарь русского языка" 1982 года, добавляя "от себя", что культура - это "воздвигание, воспитание, образование", "исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека", а также "сфера духовной жизни", "мировоззрение, способы и формы общения людей". Увы, все это ничего определенного в понятие культуры не вносит. Ничего более определенного, чем краткое объяснение Владимира Даля: культура - это есть "образование умственное и нравственное".

Лучше же и конкретнее всего культура чувствует себя, когда она воспринимается как история человечества, как неотъемлемая ее часть.

История человечества тоже ведь перестает быть историей без истории культуры. Тем более прискорбно бескультурное ее изложение.

Культура...

Слово и вообще-то умнее и мудрее нас, и мы, если бы захотели, могли бы в течение всей своей жизни рассматривать и изучать мудрость одного-единственного слова нашей речи.

Слово мудрее нас как раз в той же самой степени, в которой человечество мудрее своего единственного, отдельно взятого поколения, а все то, что мы называем развитием и прогрессом человечества, зиждется на консерватизме слова, на его постоянстве, пусть и относительном, а все-таки постоянстве.

Культура, демократия и тоталитаризм. С. П. Залыгин filosoff.org
Зиждется на культуре слова.

Если представить себе, что каждое поколение создавало бы для себя свой собственный язык, – какое развитие, какой прогресс и какая культура могли бы возникнуть и развиваться? Какая вообще могла бы состояться человеческая жизнь?

Развитие от поколения к поколению языка, пополнение умственного багажа каждой нации – это и есть прогресс, при котором слово успевает не только за практическими деяниями людей, но и за их надеждами.

Я нынче потому и надеюсь на будущее своей страны, что, при всех наших потерях, русский язык – несмотря на все потери – все равно остается самим собой. Вот уж если мы потеряем наш язык, тогда потеряем и Россию.

Величие языка заключается не только в его саморазвитии, но и в способности ассимилировать слова чужих языков, оставаясь при этом национальной речью.

В свое время, когда русский язык мог быть ассимилирован языком татарским, – этого не произошло, немецким и французским – не произошло. И не произойдет! – в это можно верить. Хотя кое-кто и сомневается: дескать, уж очень много иностранных слов внедрилось в наш язык в связи с переходом от социализма к капитализму. Но это не в первый раз такое положение, не в первый раз мы сопрягаем российские начала с западными понятиями.

Вот и слово "культура" – не нашенокое, а в то же время очень и очень наше – куда мы без него?! Мы уже давно вложили в него свой собственный, национальный смысл, сумели это сделать благодаря неисчерпаемым возможностям родного языка, а значит, и нашей Родины, народа нашего.

Мы способны воспринимать значение слова "культура" не только в русском, но и в мировом контексте. Скажем: "культура французская", "культура японская", "культура эфиопская", – скажем так – и тотчас поймем, о чем речь, к чему нас призывает наш собеседник.

И вот уже я не могу отказать себе и в ссылке на дорогих мне мыслителей, в частности на Н. М. Бахтина (брата Михаила Михайловича).

Он пишет в сборнике своих статей, эссе и диалогов "Из жизни идей":

"Созданная человеком культура, в силу и в меру своего совершенства, оказывается независимой от человека и перестает с ним считаться. Это и есть основная антиномия культуры".

Здесь можно спорить о деталях, об оттенках, но самое-то важное, на мой взгляд, то, что Н. М. Бахтин включает культуру в тот ряд результатов человеческой деятельности, который становится ему, человеку, уже неподвластным. Так оно и есть – и вот уже часть культуры, наука, не спрашивает нас, хотим мы ее или не хотим, да ведь и искусство, которому мы придаем столь личностное, столь субъективное значение, в то же самое время стихийно уже по одному тому, что мы не можем его предугадать, хотя бы и на ближайшее будущее. Технику – еще как-то можем, а искусство – нет.

Слово "культура" вполне очевидно умнее нас, хотя те же коммунисты – и не только они – измыслили себя умнее и Бога, и культуры. Пора бы нам всем-всем отчетливо узреть свой собственный шесток, хотя шесток – тоже изделие рук человеческих, мужицких.

Культурной может быть любая деятельность человека, кроме одной преступной, при том, что преступление – это высшая форма эгоизма, его апогей. Преступления бывают изысканные, едва ли не гениальные, но даже и эти качества преступления не делают его принадлежащим культуре. Именно культура способна провести черту между деятельностью преступной и деятельностью созидательной. Под этим углом зрения уже скоро культуре, прежде всего правовой, юридической, придется разбираться с Россией, с нашей современностью. Нелегкий предстоит ей труд.

Заметим также, что культура порой прихвастывает своим модернизмом. Но ведь она мало чего стоила, если бы не давние, давние догмы, которые имел в виду и Даль, утверждая, что нравственность – неотъемлемая часть культуры. Не будь в ее распоряжении Шекспира, Пушкина, Гёте, Рафаэля, Галилея, вполне

Культура, демократия и тоталитаризм. С. П. Залыгин filosoff.org
вероятно, не было бы и ее, по крайней мере в нынешнем объеме и виде. Тем более – не будь Библии, Корана и других вероисповедальных книг.

Культура сильна не столько своим модернизмом, сколько своим консерватизмом, которого она нередко стесняется, который ее конфузит настолько, что, кажется, ни один словарь на этот конфуз и не ссылается, обходит этот факт стороной.

Но это очень некультурно – забывать свои собственные истоки.

Следует предположить, что древние догмы, дошедшие до нас, вероятно, некогда тоже были модерном по отношению к культурам эпох предшествующих. Но это дела не меняет, это слишком медленный процесс.

В то же время культура – это прежде всего преемственность, она и начинается как раз с того времени, с которого ее преемственность стала осуществляться как очевидность.

Культура состоит, всегда состояла, из двух, будем говорить, частей, границы между которыми можно установить лишь условно. Это культура бытия (если хотите – жития) как такового и культура изображения бытия, отношения к бытию – искусство. Оно же, искусство, воплощает особенности национального мышления.

Две части культуры и составляют целое. И плохо, если они разобщены, хотя бы так, как это имеет место в России.

Культура нашего бытия несравненно уступает культуре его изображения, а этот дефицит пополняется из других, уже межнациональных, источников, что менее органично и более случайно, хотя и неизбежно.

Мы чувствуем случайность и неустойчивость собственной культуры в таких областях, как экономика, политика и государственность. Да ведь и в культуре нравственной тоже. Ну а если имеет место вакуум, зазор, тогда он неизбежно заполняется тем или иным "анти" – антикультурной мафией, коррупцией, мошенничеством, антидемократией. И с этим нам нельзя не считаться, никак это не учитывать. Однако же это положение до сих пор учитывает нас, а не мы его.

Мы изображаем жизнь прекрасно, гениально и через Глинку, через Чайковского, Шостаковича, через Врубеля, Васнецова, Пушкина, Толстого, Станиславского, Комиссаржевскую, Шаляпина, но до предмета изображения, каков он есть на самом деле, не добираемся. Если же доберемся – ахнем от изумления: совсем не то, что мы думали!

Фантастическая нация, ни один Жюль Верн такой не придумал, только Господь Бог и оказался способен.

...Немалое значение имело еще и запоздание, с которым были открыты наши университеты. Это запоздание обошлось нам слишком дорого. С университетами мы отстали от Европы на несколько веков и, хотя преподавали хорошо, все равно не наверстали, даже открытием множества "университетов" марксизма-ленинизма.

Петр Первый прорубил окно в Европу, опять-таки опоздав века на два-три, а это привело к проблеме "Россия – Европа". Проблему эту мы и нынче чувствуем день и ночь, хотя бы в том, что сегодня задрать штаны бежим за западным капитализмом, усваивая в первую очередь все его недостатки и пороки.

И сегодня наши западники терпеть не могут славянофилов, а славянофилы – западников, несмотря на то что и те и другие прошли через коммунизм, зато коммунисты нынче нежно пристали к славянофильству, которое они еще вчера предавали проклятию (за исключением периода Отечественной войны). И уже верховодят патриотизмом. Какие они коммунисты, если никем не будут руководить? Никого себе не подчинять?

Одна из самых существенных бед, которая возникает из этой бесконечно длящейся временности наших отношений между собой, проистекает из-за отсутствия культуры государственности, давно усвоенной Западом.

Нет у нас подлинной культуры государственности, и когда-то мы ее обретем

Культура, демократия и тоталитаризм. С. П. Залыгин filosoff.org
как нечто устойчивое, для культуры в целом органическое? То у нас насильник Ленин, то верный его ученик палач Сталин, то Хрущев объявляет, что "нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме", то Брежнев, день и ночь соревнующийся с США по степени вооруженности, то миротворец Горбачев возвещает, что с сего числа мы государство демократическое.

А ведь это нелепость: демократизма, демократического образа мышления, демократического образа жизни не может быть по объявлению сверху вниз.

Демократизм как система государственная может прийти только снизу вверх; у нас же снова и снова попытка все сделать наоборот. Результат уродливый демократизм, проистекающий и из убеждения в том, что сперва нужно создать демократию, а уж она несомненно даст нам культуру. Обязана дать, душа из нее вон! В том числе и культуру бытового поведения.

По существу же дела, у нас все еще царит дух произвольного, внеисторического коммунизма. Мы от "наоборот" не ушли, а в ряде случаев к нему приблизились.

В самом деле, что изменилось в тех людях, кто, будучи всю жизнь коммунистами, на закате своих лет объявили себя демократами? Ну, предположим, коммунист круто изменил свою политику. Но ведь отнюдь не исключено, что поворот-то совершен не на сто восемьдесят, а на триста шестьдесят градусов. Кто там эти градусы мерил?

В чем заключается психология коммунизма? В том, в частности, что коммунист ставит идею выше практики, выше реальности, это доктринер, который не предвидит реальных последствий своих "идейных" действий.

Ленин называл Октябрьскую революцию самой бескровной революцией, а затем четыре года безжалостно уничтожал контрреволюцию (то есть российских патриотов) в Гражданской войне. Он решил построить социализм в два счета и ввел военный коммунизм. Уже через год выяснилось, что военный коммунизм ведет Россию и самих коммунистов к полному краху, и тогда в срочном порядке был объявлен нэп. Но для нэпа вовсе не нужна была ни Октябрьская революция, ни Гражданская война, ни военный коммунизм.

Сталин объявил страну социалистической, а то, что это был социалистический ГУЛАГ, его ничуть не волновало.

Почему и до сих пор возможны все эти скоропалительные метаморфозы? Да потому, что психологией-то, культурой, образованием, не только умственным, но и нравственным, все наши вожди, как и десятки, сотни миллионов наших граждан, не обладают, в свое время нравственность была подменена у нас одной-единственной - коммунистической - идеей, которая возвышается над практикой, над реальностью. И это в то время, как истинная культура очень даже реалистична. И - исторична.

Что предлагает Зюганов вместо нынешней и в самом деле так и не состоявшейся демократии? Он и сам не знает - что. То ли советскую власть, то ли коммунистическую диктатуру с ГУЛАГами, то ли социал-демократию. Он этого вопроса не касается в своих чуть ли не ежедневных выступлениях. Ему важно прийти к власти, "а там видно будет", как говаривал Ленин.

Коммунистическая методология вполне допускает личную вражду между коммунистами Ельциным и Зюгановым, но вовсе не противоположные методики практической деятельности. Откуда ей взяться-то, новой и реалистической методике, если действующие лица вышли из одной строжайшей школы коммунистической методологии?! Царит убеждение, что идея выше действительности. Эта идея требует от человека сначала видеть то, что должно быть, а уж потом то, что есть. То есть теряется реализм. Эта потеря и сделала в свое время коммунизм столь продолжительной фикцией.

При этом, может быть, Хрущев, Брежнев или Ельцин когда-нибудь всерьез изучали Маркса? Если бы изучали, так они неизбежно подвергли бы марксизм критике, а то ведь никто никогда на этот счет ни слова.

Что Ельцин и его окружение поняли и понимают в рыночной экономике? Еще меньше, чем в экономике социалистической. Вот и начали с ваучеров. Что и когда они предвидели? Никогда ничего. И сейчас не предвидят, хотя и ставят целью через четыре года сделать из России "процветающее" государство,

Культура, демократия и тоталитаризм. С. П. Залыгин filosoff.org обещают по-коммунистически безответственно. Обещают, обещают, обещают. А какая может быть рыночная экономика, если до сих пор в государстве нет земельного законодательства? Спекуляция, мафиозность и коррупция – такое положение дела кого-то и устраивает, но что значит приватизация собственности без собственности на землю? Можно земельную собственность до поры до времени лимитировать, но обойтись без нее нельзя.

В бывшем колхозе приватизируется кирпичный скотный двор, и каждый "собственник" выламывает из его стен свою долю кирпичной кладки. Такова реальная "рыночная" экономика.

Мы оказались в периоде, когда, по А. А. Исаеву, экономисту прошлого века, "власть принадлежит худшим. Эти худшие, проникнутые своекорыстными стремлениями, действуют неумело, нерадиво и недобросовестно во всех областях, куда правительство вступает со своим авторитетом... издается бесчисленное множество законов, органы управления производят огромное количество работы... Но большая часть этой работы совершенно бессмысленна".

Польша, Чехия, Словакия выбрались же из советского социализма без особых потерь. И по-своему выкарабкиваются Китай и Вьетнам, в котором ежегодный прирост производства составляет 13 процентов – столько же, сколько было в России в последнее десятилетие перед Первой мировой войной.

* * *

Политика, нуждаясь в культуре, то и дело принуждает ее к подчинению: откровенному или скрытному, но все-таки подчинению. Особенно если речь идет о тоталитарной политике.

Так происходит уже потому, что культура беспартийна, а значит, и гораздо ближе к природе и к природности, чем политика. Политика как раз та сфера, которая отдаляет человека от природы – и от норм и от мер не только мышления, но и поведения, заданных нам самой природой.

Осознание человеком себя как создания природно-культурного, когда культура и природа находятся в неразрывном единстве, – только в этом надежда на дальнейшее существование. Без этого шансов нет. Во всяком случае, даже меньше, чем, скажем, у волков и зайцев.

Культура то и дело сводит свою собственную роль исключительно к той или иной деятельности в области искусства, науки, быта. Но ведь она не только отрасль деятельности, не только отрасль знаний, но и первопричина того, что человек есть человек, она возвышает его в любой деятельности, возвышает, но не отчуждает от мира (если это – культура подлинная).

* * *

Еще слово "культура" обозначает породу растения или животного, тот генетический ряд, к которому оно относится, ту искусственную селекцию, в результате которой порода и породность возникли (культура пшеницы, культурные породы домашнего скота, например).

Кстати говоря, селекция животных и растений аналогична селекции духовной. Эта последняя тоже занимается селекцией догадок и замыслов, идей и идеологий, а демократия не что иное, как результат именно такого рода селекционной работы.

И та и другая селекция ничего не уничтожает, она создает и за счет вновь созданного вытесняет предшествующее, а история задним числом ставит свои оценки: плохо, хорошо, очень плохо, очень хорошо. История строга, ничто не избежит ее оценок, в том числе и культура. Именно история обеспечивает самосуждение (и самоосуждение) культуры в целом, доброта же культуры по отношению к самой себе – это и ее грех, и ее преимущество.

Природа обязывает нас быть уже потому, что мы есть. И дело человека найти себя морально в пределах этой обязанности, так же как дело и долг любого живого существа – всеми силами, данными ему природой, сопротивляться смерти. Даже червяк и тот сопротивляется смерти.

Истинное призвание человеческой культуры – укреплять и развивать это сопротивление.

* * *

Возвращаюсь к российской истории: судя по всему, мы, только-только приблизившись к как бы предначертанной нам последовательности, к той памяти, которой обладает культура, сейчас же кидаемся прочь, в сторону.

Существует в нашем обиходе такое выражение - "вот так история!". И верно: каждый случай жизни может быть вписан в большую или малую историю. Однако же правильнее было бы говорить не "вот так история!", а "вот так культура!". История слишком привязана к хронологии, она без хронологии ничто, культура в этом смысле свободнее и шире, для нее достаточно указания на эпоху, в которой происходит событие, тот или иной факт, а то и этого не требуется.

Да ведь и историк, отметившись хронологически, начинает "от себя", в соответствии с собственной культурой, комментировать событие. А что представляет собою этот комментарий, если не явление культурное?

То же и в науке: если научное достижение не сопровождается культурным осмысливанием последствий - это уже не наука, а техника. Часто и не техника, а ремесло. Часто - не ремесло, а трудовой навык, и не более того.

Нечего и говорить о явлениях искусства - они-то плоть от плоти культуры, но здесь ошибка может состоять прежде всего в том, что само-то искусство начинает воображать, будто оно и есть нечто самое главное в культуре, что только оно и вправе ее представлять. (Дайте свободу театру и театр тотчас создаст демократию!) Такое самомнение тоже есть не что иное, как грубое бескультурье, примитив, вредный и недостойный примитив. Также потеря чувства меры.

Для демократического государства даже лучше, если между ним и культурой возникнет некоторое отчуждение - именно в этом отчуждении проявится его культурность и демократичность. В случае, если и культура вдруг начнет вырождаться, деградировать, государство опять-таки не теряет лица, оно остается ни при чем.

Конечно, государству обидно: оно культуру подкармливает, а культура от него независима, да еще его же и критикует. Но иного не дано. Без этого и государство не государство, а концентрационный лагерь.

* * *

Если же культура и сама захочет называться "культурной политикой", или "теорией социализма-коммунизма", ничего хорошего из этого не выйдет. Имея в виду единственность своего собственного мышления, большевики не могут обойтись без таких прилагательных к слову "культура", как "передовая", "пролетарская", "идейная" и т. д., - а это для культуры губительно. Тем более, если культура воспринимает подобные прилагательные как нечто естественное. Мне пришлось однажды присутствовать на вручении государственных премий, и там один очень видный киносценарист (удостоенный) бил себя на кафедре в грудь: "Бейте нас! Вы мало нас бьете, отсюда и все наши беды!" Должен сказать, что очень высокие представители ЦК КПСС и те были заметно смущены.

* * *

Мне также представляется, что среди самых разных искусств, которые включены в понятие культуры, мы упускаем еще один вид искусства - искусство философии, логики. Логика владеет общими понятиями так же, как прозаик или драматург своими персонажами.

Библия взяла на себя задачу, которую может взять только она, и никто больше: так же как отдельный человек не помнит ни момента своего рождения, ни первых двух-трех лет своей жизни, так и человечество никогда не вспомнит и не постигнет своего происхождения (его история принадлежит легенде, в данном случае - библейской, великой и неподвластной материализму, в том числе и научному). Библия взяла на себя задачу не только Начала, но и Конца, предсказав Антихриста. Наука в свое время сочла это бредом, но прошло время - и оказалось, что наука своими руками создала эту "фигуру", этот образ в виде экологической угрозы, теперь уже неизбежной.

И вот уже я, если это имеет какое-то значение, оправдываю суровый суд клерикалов¹ над Галилеем: подсудимый Галилей вторгнул реальный – слышимый, видимый, обоняемый и осязаемый – мир в мир ирреальный, невидимый и неслышимый, но все равно существующий, в мир математики и физики, в мир невидимого электричества, в мир тоже невидимого, но уже расщепленного атома. Наверное, техническая революция была действительно неизбежна, была написана на роду человечества, но то, что мы о ней еще пожалеем, уже жалею, сомневаемся, – это так.

Уж очень мы любим земные блага и благоустройство, не хотим поступиться ни малой долей цивилизации, а за любые блага надо платить. Тут налоговая служба работает как надо. Тут и культура разводит руками – а что же ей-то делать? Она тоже виновна!

Римское право – источник (хотя, может быть, и не первоисточник) культуры государственной – предусмотрело гражданское существование человека в условиях именно государственности, хотя в ту пору еще никто не сказал, что это "научно обоснованное право". Не научными теориями научных институтов право было обосновано, а реальностями своего времени, и вот оно сформулировало принципы юриспруденции последующих времен. И ведь как интересно: Азия развивалась помимо европейского римского права, но, в общем-то, и азиаты, раньше или позже, приближались к законам права римского.

Если на то пошло – в науке действительно нет того нравственно догматического начала, которым, при всей своей независимости, при всей своей свободе, обладает культура в целом, и это губительно. Наука становится только цивилизацией, и ничем больше, она начинает противостоять культуре в целом. Нынче многие ученые это чувствуют и включают в круг своих интересов культуру: и искусство, и религию, те ее догматы, которых им не хватает.

Другая часть ученых делает другой выбор и включается в политику, но таких значительно меньше, и, как показывает опыт, включение это по большей части временное, эпизодическое и малопродуктивное.

Само собой разумеется, что вовсе не обязательно каждому деятелю культуры и каждому ученому знать Закон Божий наизусть, но культура не должна больше противопоставлять себя религии – настало время и ей почувствовать религию как начало своих собственных нравственных представлений, как указание на то, каким должно быть культурное поведение, если уж не повседневное, так в принципе, включая науку. Выяснилось, что культура и религия отнюдь не враги. Взаимопонимание имело место и в прошлом, достаточно вспомнить Ньютона, Ломоносова, того же Галилея, позже Ивана Павлова, но Двадцатый век снова прошел в жестких спорах, в нетерпимости, хотя похоже, что это в последний раз. Культуре далеко не все может нравиться в религии, и наоборот, но вот здесь-то и требуется демократия, демократическое согласие.

* * *

А какие великие открытия сделаны человеком ради собственной культуры! Какую радость, какое самоутверждение принесла человеку, скажем, география! Открыть новый материк – это же что-то несказанное! Пройти мимо великого – в привычке человека, и все-таки трудно себе представить, что испытывали Колумб и Магеллан, совершив свои плавания, возвестив Пиринейскому полуострову, а затем и всей Европе о том, что существуют еще и другие материки, заселенные пусть и другого цвета, но людьми, с руками-ногами, с головой, покрытой волосами, с ушами-глазами, которые так же делятся на мужчин и женщин, точно так же родят детей. Вот только ни в Америке, ни в Австралии люди не догадались пуститься в океан в сторону Европы под парусами. Хотя Бог его знает, может быть, и пускались, только Европу для себя не открыли, предоставили Европе открыть их.

От плавания Колумба и Магеллана до плавания Беллинсгаузена с Лазаревым на шлюпах "Восток" и "Мирный", открывших последний, хоть и безжизненный, материк – Антарктиду (который, однако, имеет столь исключительное значение в формировании среды обитания человека – климата Земли), человечество могло пребывать в состоянии надежды на дальнейшие открытия в пределах своего собственного дома – Земли. Началось это состояние давно – с тех пор, как люди одной пещеры открыли существование людей другой пещеры, по ту сторону

Культура, демократия и тоталитаризм. С. П. Залыгин filosoff.org
горной гряды.

Не знаю, кому как, а мне и сегодня радостно за тех людей, за тех путешественников. Увы! Подобных открытий больше не будет, география сменилась ландшафтоведением, распалась на географию экономическую, политическую и т. д. География Земли сменилась космосом, но это – не то, в этом слишком много неживой пустоты.

* * *

Спор между западниками и славянофилами – это спор о культуре прежде всего: откуда и куда культура идет? Это если и география, так сугубо политическая. Однако стоило бы этот спор решить в области культуры, и тем самым определены были бы и направления экономики и политики не только внешней, но и внутренней. Конечно, это не значит, что наступила бы благодать, но наступление периода некой определенности было бы.

И тут уместно вспомнить, что русский гений Пушкин, которого никак нельзя упрекнуть в "ортодоксальном" западничестве, в свое время, в рецензии на книгу Полевого "История русского народа", сказал:

"Горе стране, находящейся вне европейской системы".

История Пушкина подтверждает.

Оба американских континента и Австралия были открыты, заселены, освоены и получили свою цивилизацию от Европы.

И Азия, и отчасти Африка усвоили от Европы гораздо больше, чем Европа от них, весь мир использовал европейский опыт, начиная от покрова одежды и кончая основополагающими научными достижениями...

Конечно, и Европа – далеко не идеал, а где он, идеал-то? В конечном счете – в чем он?

Можно себе представить мир китаизированный, японизированный, индонизированный, монголоизированный, но представления эти все-таки не внушают нам ни доверия, ни даже сожаления о том, что они не сбылись. Хотя бы потому, что самая короткая дорога – это знакомая дорога, а знакомству с дорогой мы все равно обязаны Европе. Приемлемый, а вероятно, и самый оптимальный вариант.

Европа в общечеловеческой современной цивилизации и культуре – первая. Может оказаться, она будет первой в очередности и при кончине человечества.

Петр Первый прорубил первое крупногабаритное окно в Европу российское окно, потому он и стал Великим, а мы такие окна с тех пор прорубаем, прорубаем – а чаще заколачиваем, – неся большие потери.

По крайней мере, именно так получается у нашей нынешней евроазиатской государственности.

И тут, по логике вещей, дело опять-таки за культурой. Только мы-то с этой логикой опять-таки не в ладах.

* * *

Нынешнее первейшее назначение культуры – стать экологической. Иначе говоря, объединить науку, замкнувшуюся в себе, с общественным сознанием и с религией, технику – с логикой нашего дальнейшего существования, искусство со здоровым прагматизмом и с менее надежным, но оптимизмом.

Настало время все это делать кому-то. Кому же, как не культуре?

Больше никому. Может быть, культура, цельная, для этого и явилась еще во времена наскальной живописи, а то и раньше?

* * *

Собственная история для России никогда не была историей как таковой, не всегда и политикой, зато была набором политических казусов. Политические

Культура, демократия и тоталитаризм. С. П. Залыгин filosoff.org
страсти-казусы растаскивают нашу историю на клочки.

Для Германии существовал и существует авторитет Бисмарка, для Франции Наполеон (ввергнувший страну в великие бедствия) тоже остается великой личностью, для Англии - Гладстон; для России общепризнанных авторитетов в ее истории не было. Хотя Петру Первому и Екатерине Второй и были присвоены титулы Великих, это не мешало считать Петра Первого не столько великой, сколько злостной и спорной фигурой, именно на этом имени завязалась борьба и ненависть между западниками и славянофилами.

Политики-историки - а это достаточно вредная, хотя и повсеместная, двуликость - так и не решили, кем же была и Екатерина Вторая - великой царицей или великой распутницей?

Но если даже самые ожесточенные критики русской действительности всех времен не могли себе позволить сомневаться в том, что Россия - великая страна, значит, кто-то это величие представлял?

Народ?

Кто только не "будил" русский народ! И декабристы, и народовольцы, и эсеры, и эсдеки, и коммунисты, но вот наступил конец двадцатого столетия а где же наш народ? Бюрократия - да, ни к чему не способное, кроме обещаний (по Исаеву, цитировавшемуся выше), правительство - да, коррупция, мафиози да и да, журналисты - да, - а где же народ? С его осмыслением собственного опыта? И что значит его реальное отсутствие на современной политической сцене? Что значит тот факт, что народные избранники в Думе бросают все свои государственные дела, как только разговор заходит об их собственном жилье? Что значат фигуры Жириновского, Коржакова, Илюшина, Лебеда? Во всяком случае, кто-кто, а народ этого не знает, все еще не способен понять. Не хватает культуры, как общей, так и политической. Хватает авантюризма. Горбачев объявил народ демократическим - хорошо. Зюганов объявляет народ советским - тоже ладно.

В искусстве еще в недавнее время народ исторически просвещал Пикуль, а в политике несколько раньше - Ленин с "Государством и революцией", Сталин с "Кратким курсом истории ВКП(б)". И так всегда, так исстари было: на одного Ключевского десятка Нечаевых и прочих народоубийц, сотни самозванных просветителей и правителей.

Просвещение в России, первые же выпуски первых русских университетов преподносили народу не только государственных деятелей, но и крупных нигилистов. Не было у нас исторической точки опоры, не было другого авторитета, кроме критика. При том, что никто так легко не обещает (даже и сам не зная, что именно), как Критик. И Зюганов, и Лебедь обещают нынче ни много ни мало, а все сразу, хотя что они могут создать? Ничего, кроме очередного перераспределения тощих, доведенных до минимума жизненных благ.

Нет у нас реформаторов, выведены они под корень. Промелькнули было имена в эпоху царствования Александра Второго - Александр Третий тут же свел их на нет.

При Николае Втором появились Столыпин, Витте, Кривошеин - Николай Второй вкупе с террористами их тоже отстранил.

Пришли большевики - те вообще всякую реформаторскую деятельность в одночасье сменили на революционную теорию, и вот уже более ста лет, как порода эта в России не имеет никакого значения, вывелась подчистую.

Нынче есть у нас Солженицын. Затеяв "Исследования новейшей русской истории", он хочет содействовать "очищению русской истории от наростов лжи", помочь "выяснить затоптанную истину о последних веках России". Создал огромный, всеобъемлющий труд "Красное колесо", но в нашей Думе демократ-коммунист-милитарист Нуйкин и либерал-демократ Жириновский в один голос заявили:

- Не нужен нам Солженицын - устарел. Нам без него лучше!

Он скучный! Он длинный!

А некто Алексей Бурькин, литератор (?), ему и всего-то двадцать восемь

культура, демократия и тоталитаризм. С. П. Залыгин filosoff.org годков (из молодых, да ранний), выступил в "Независимой газете" от 4 декабря 1996 года, обвинив Солженицына в "эзоповом языке". "Свершилось!" восклицает автор "карт-бланша", - а что, собственно, свершилось? А то, что Солженицын, выступая в печати, зачем-то не обругал Ельцина. Вот такие бурькинские "свершения" - это в нашем обществе события, зато русская история, изученная и пересмотренная Солженицыным, молодому "литератору" нипочем.

Недалеко же мы на подобных "свершениях" уедем, притом неизвестно, в какую сторону - вперед или назад. Вернее, все-таки назад.

И вот что по нашему времени существенно: этот "карт-бланш" хоть и ничтожная, а все-таки склока. Так что заявка "литератором" подана в масть.

* * *

Лет сто - сто пятьдесят тому назад грамотное население России составляло каких-нибудь 10 - 15 процентов? И чем меньше был этот процент, тем сильнее действовал на умы населения нигилизм: все не так, все надо начинать сначала! Все с нуля! Это исконный нигилизм.

У Толстого кто-то, не помню кто, спрашивает мужика на паромной переправе:

- Ты царя признаешь?

- Признаю! - отвечает мужик. - Как не признать - царь сам по себе, я сам по себе!

Так ведь это же самый лояльный, самый умный и демократический ответ, самая достойная точка зрения, и ее-то и надо было разрушить нигилистам. Чем ниже культура народа, народной массы, тем вольготнее действовать нигилистам, тем ближе к ним желанный ноль, кем бы эти нигилисты ни были Чернышевскими, Нечаевыми или Лениными - Сталинами, - всем - об этом уже говорилось - нужен ноль.

Чем безграмотнее, чем непросвещеннее народ, чем меньше он связан с государством, чем труднее складывается обстановка в государстве, тем труднее им управлять, хотя тем больше охотников управлять. Не правда ли, странно? Управлять, начиная с нуля?

И тем энергичнее действует нигилизм. Именно так обстоит дело нынче, и давно уже оно так обстояло.

Ключевский писал о царствовании Николая Первого, что в то время "бюрократия представляла единственное в мире правительство, которое крадет у народа законы, изданные высшей властью; этого никогда не было ни в одну эпоху, кроме царствования Николая I, и, вероятно, никогда не повторится". Ошибся глубокоуважаемый Василий Осипович - это повторилось, с той разве разницей, что теперь и высшая власть вместе с рядовой бюрократией крадет у народа законы, ею же самой буквально на днях изданные, а народ приносит колоссальные жертвы ради выскочек из партийной среды, ради выскочек из среды собственной.

Дело доходит до крайнего абсурда: государство не имеет ни сил, ни умения собрать налоги с тех, кто задолжал ему триллионы, десятки триллионов, и теперь облагает налогами тех, кому оно должно, кого уже разорило, отобрав у рядовых граждан их вклады в Сбербанк, кому не может выплатить зарплату, кого оно бросило на произвол судьбы, на произвол мафиози и своих чиновников вкупе с мафиози.

Или: государство распродает собственное имущество - казалось бы, у него должна быть лавина денег. Но нет, ему нечем заплатить за труд своим гражданам - и вот уже, чтобы получить заработанные полгода тому назад деньги, шахтеры объявляют голодовку под землей. Невиданно! Никогда еще мир не знал подобных "перестроек", никогда обещания президента и его подручных не были столь безответственны.

Мы все еще надеемся: вот приедет барин...

А откуда ему приехать-то? Из 14-й армии? В 14-й, может быть, сформировалась культура русской государственности? Или в университетах

Культура, демократия и тоталитаризм. С. П. Залыгин filosoff.org
марксизма-ленинизма? Или в президентской охране? Или в "Матросской тишине"?
Ну, если уж ни Петропавловка, ни Шлиссельбург не сформировали такой
культуры, куда там "Матросской"!

Но если бы еще лет пять продолжалась на Руси столыпинская реформа, еще поработало бы земство, земские школы, больницы и страховые общества, тогда не было бы в стране революций – ни Октябрьской, ни даже февральской. Ленин это прекрасно понимал и очень торопился: стоит пропустить момент – и не наверстаешь никогда, не будет нуля.

Ну а так как он это умел – момента не упускать: он был мастер не упускать, – так как революция творилась руками безграмотных людей, я и десять лет спустя после Великого Октября из 5-го и 6-го классов бегал по улочкам бывшего губернским города Барнаула, ликвидировал неграмотность.

Была у меня на обучении на Третьей Алтайской улице, рядом с Дунькиной Роцей, семья сапожника – сам сапожник, его жена и его дочь-девица. Сапожник был страшный р-р-революционер, жена знала, что царя больше нет, больше ничего из "политики" не знала, дочь и этого не ведала, ей было все равно. Я научил их читать по складам и писать печатными буквами ЛЕНИН, и они тут же перешли в категорию грамотных. Очень гордились! Гордились и ждали барина. Вот уж придет – наведет порядок, с ними, теперь уже грамотными, барину будет нетрудно ввести в России окончательный порядок вместо беспорядка, устроенного в свое время императором Николаем.

* * *

Ну конечно же император Николай Второй был виноват в революции. Человек высокообразованный, обаятельный и мягкий, он так и не мог представить себя в роли монарха конституционной монархии (на что не однажды ему намекал английский посол Бьюкенен: "Император обладал многочисленными качествами, благодаря которым он с успехом мог бы играть роль монарха при парламентском строе").

Но как это случается с людьми слабохарактерными, в чем-то император был безнадежно упрям. Думы он разгонял одну за другой, не находя общего языка с кадетами. Он решил, что до последнего вздоха должен утверждать в России самодержавие в соответствии с абсолютистскими заветами своего отца Александра Третьего.

Грамотность не сапожническая моего ученика, а даже и высокая – это еще далеко не культура: для культуры нужна грамотность историческая, нужна преемственность, а вот чего у нас нет – так это, повторяю, преемственности.

Россию, страну без преемственности, и всегда-то было нетрудно соблазнить неким началом. Социалистическим, капиталистическим, славянофильским, западничеством – это уже вопрос другой, прежде всего НАЧАЛО! То есть все тот же ноль.

Ни политической культуры, ни демократии в нашей истории так и не было, мы в этом отношении были неграмотны, были сапожниками, и вот мы решили ни много ни мало шагнуть из самодержавия непосредственно в коммунизм. Сегодня – здесь, завтра – там, как у Фигаро. Чего там время-то зря тратить?

А что такое социализм?

Россия (кроме очень малой группы людей) и не подозревала, что социализм – это такой "империализм", который и не снился имперскому тоталитаризму.

И это не какое-то недоразумение, не случайность – везде так обернулось, где социализм вступил во власть: и в СССР, и в Китае, и на Кубе, и в Югославии, – везде это государственный тоталитаризм, господствующий над личностью, над семьей, над обществом, над любой человеческой деятельностью – частной, семейной, общественной, экономической, психологической, бытовой. Полная мобилизация в этих целях настоящего, прошедшего и, само собою, – будущего.

* * *

Или еще: тоталитаризм – это прежде всего стремление к единомыслию, внедрение единомыслия в жизнь – в государство, в народ, в общество, в семью и в каждую, каждую личность. И даже – в культуру. И даже – в демократию. И

Культура, демократия и тоталитаризм. С. П. Залыгин filosoff.org
культуре, и демократии есть над чем задуматься. Сообща.

Двадцатый век – век тоталитаризма, и вот уже осуществлялось то самое страшное и невероятное, что может возникнуть в сознании человека, – передел мира.

При этом мир мог погибнуть, тоталитаризм мог кончиться самоубийством это не имело значения в случае, если мир подвергается переделу.

Первый круг – это Первая мировая война, и она не только не отвергла человечество от его самой эгоистической идеи, которая только может быть, но и еще приблизила его к ней: при жизни одного поколения возникает Вторая мировая война и чуть-чуть было не возникла третья.

Сценарии двух мировых совпадают в деталях: сначала Германия и Россия союзники, затем – враждующие стороны; в обоих случаях Германия капитулирует. Одни и те же генералы воюют друг против друга в двух войнах, и не только генералы, но и солдаты.

Еще не кончилась Первая, когда в мир вступила совершенно новая формация – социализм, обещавший людям и свободу, и равенство, и братство.

Но то обещания. На деле же социализм вырос из империализма, усвоив его методы и способы общения с миром, со своим собственным народом – прежде всего.

Ленин так же, как и Вильгельм Второй, если еще не в большей степени, был заинтересован в поражении России, он знал, что только в побежденной и униженной стране найдут отклик его идеи социалистического братства, в стране же победительнице ему делать нечего. И вот уже Вильгельм Второй отправляет Ленина в запломбированном вагоне в Россию как своего едва ли не самого близкого союзника.

Далеко не все русские социалисты захотели стать предателями своей страны: например, Мартов, когда Ленин отправился в путь по маршруту, указанному штабом Вильгельма, при посредничестве известного авантюриста Парвуса, отказался от этой поездки: "Проехать в Россию в качестве подарка, сделанного Германией русской революции, – значит ходить перед народом с парвусовским ореолом".

Но Ленин поехал. И блестяще выполнил свой долг перед Германией, опять-таки заимствуя опыт германского генерала Эриха Людендорфа: трудовую повинность, рабочие лагеря и многое другое, – так что до сих пор остается неясным вопрос: кто же все-таки был первым практиком социализма – Людендорф или Ленин? Кто был лучшим педагогом – Людендорф, воспитавший Гитлера, или Ленин, воспитанником которого оказался Сталин?

Тоталитаризм Двадцатого века, независимо от того, капиталистический он или социалистический, сумел подчинить себе культуру, науку прежде всего, и вот уже технический гений сегодня изобретает оружие невиданной силы, оружие массового уничтожения, а завтра выступает как яростный поборник мира. И наоборот: солдаты и генералы, призванные защищать свою Родину от нашествия оккупантов, тут же сами становятся оккупантами в чужих странах. Сразу же вслед за Второй они готовы были начать третью мировую войну – все из тех же тотальных побуждений (Кубинский кризис).

Человек – существо эгоистическое, а тоталитаризм – это апогей эгоизма, и СССР, выиграв войну, еще долго не демобилизовывал свою армию (было подсчитано: чтобы сбросить вчерашних союзников в океан, потребуется не более двух-трех недель). Может быть, овчинка стоила выделки? Может быть, карточная продовольственная система, миллионы жертв репрессий в среде интеллигенции и крестьянства будут перекрыты блестящими военными победами?

И вернее всего, так и решилось бы дело, если бы не подвели единомышленники-коммунисты. В течение всей войны Морис Торез, Долорес Ибаррури, Броз Тито, Пальмиро Тольятти, проживая в общежитиях III Интернационала в непосредственной близости от Кремля, готовились возглавить коммунистические правительства своих стран сразу же после победы Советской Армии, иначе говоря, им была уготована роль великого Ленина, блестяще сыгранная им в конце Первой мировой войны.

Культура, демократия и тоталитаризм. С. П. Залыгин filosoff.org
Увы! – дело коммунизма не было подхвачено в странах-победительницах (исключение составила Югославия), не справились с партийным заданием облеченные столь высоким доверием Сталина и его эмиссары.

Пришлось ограничиться рамками "социалистического лагеря" – но и там дело не обошлось без военного вмешательства социалистического Советского Союза, войска которого подавили восстания и беспорядки в Польше и ГДР, в Чехословакии и Венгрии.

Социалистическому тоталитаризму никто не смел противостоять достаточно решительно. Никто, кроме него самого. Так, может быть, распад социалистического тоталитаризма научит человечество противостоять любому тоталитаризму?

* * *

На коммунистов не производит никакого впечатления, что сегодня неторопливая Швеция гораздо ближе к социализму, чем мы, страна, которая под социализмом прожила семьдесят лет, а теперь только и делает, что догоняет капитализм.

Если бы не лозунги "догнать и перегнать!", "уже догнали, уже перегнали!", которые всегда есть обман, компартия не была бы вынуждена объявлять перестройку и еще постояла бы у власти, но поспешность, свойственная тоталитаризму как никому другому, коммунистов подвела. И еще подведет, уж это точно. Ведь всякое неторопливое, продуманное и в какой-то мере культурное решение для коммунистов не что иное, как оппортунизм. Ведь, по существу, их роль – быть вечными оппозиционерами, как это и происходит во всех демократических государствах, а не стоять у власти, как происходило у нас.

Да что там – "происходило"? А разве не происходит нынче?

* * *

Мир оказался не приспособленным к воплощению коммунистической идеи, следовательно, эта идея была фантастической, и более того – антиидеей, отвергающей и религию, и даже социал-демократизм – все на свете, кроме самой себя.

Нынче же коммунизма нет даже и для самого себя – поскольку он не обладает уже ни "Апрельскими тезисами", ни трудами под названием "Государство и революция", "О продналоге", нет и трудов другого комгения "Марксизм и национальный вопрос", "Марксизм и вопросы языкознания", нет "Краткого курса истории ВКП(б)".

И хорошо, что нет: людьми руководит сложная и запутанная практика, а не бредовые теории.

Очень странно, однако, что коммунисты, народные патриоты, защитники народа, люди, повсюду утверждающие, что именно они-то и выражают народное мнение, все, как один, приходят в исступление, как только поднимается вопрос о необходимости всенародных референдумов и в России, и в Белоруссии по поводу союза этих государств: никаких референдумов, и баста! Это лишнее! Это – вредное! Это – антинародное!

Право же, более чем странно!

Справедливости ради нужно сказать, что в противоположном лагере дело обстоит едва ли лучше.

Если уж в ближайшем окружении нашего Президента то и дело обнаруживаются элементарные мошенники и коррупционеры, которые, кроме всего прочего, разработали для него программу чеченской войны, если ни один из этих мошенников так и не оказался под судом (и, видимо, не окажется), то какое моральное право мы имеем кому-то и что-то советовать?

У нас считается, что союз Россия – Белоруссия – это пример подражания для всех остальных наших соседей, членов СНГ.

А если наоборот, если этот пример всех оттолкнет? Если, обнимаясь с Белоруссией, мы теряем Украину? Тоже ведь может быть.

Коммунизм – это сила тоталитарная, организованная для революции, но никак не для эволюции. Перестройка это еще раз доказала.

Именно поэтому, стоило только пошатнуться СССР, как вслед за ним пошатнулся и весь остальной "социалистический лагерь", и не только он, но и республики бывшего Советского Союза – ни в одной из них камня на камне не осталось от правоверного советизма, настолько он был скомпрометирован, так он был подточен до основания. Кем скомпрометирован? Опять-таки самим собой, своим собственным тоталитаризмом, своей собственной идеологией, а вовсе не "происками" наших внешних "врагов".

* * *

Несколько слов о дореволюционном российском авторитаризме.

Россия никогда не обладала заморскими колониальными владениями, что было свойственно государствам Европы – Англии, Франции, Испании, Португалии, Дании, Голландии, а позже и Германии.

Россия расширялась за счет непосредственно прилегающих к ней территорий в Восточной Европе, Средней Азии, на Кавказе, в Сибири, и территории эти становились ее губерниями и наместничествами, обладая примерно теми же правами и законами, что и губернии исконно российские.

Единственное заморское приобретение России – Аляска вскоре была продана Соединенным Штатам, так как у России не было никаких шансов удержать ее за собой.

Значительные территории и государства добровольно приходили под власть России – примером тому могут служить Украина и Грузия.

Польша, завоевание которой носило наиболее агрессивный характер, а также Финляндия, отвоеванная у Швеции, в государственном плане сохраняли значительную самостоятельность и часто политически устроены были более совершенно, чем метрополия, так что многие из декабристов мечтали о том, чтобы Россия была устроена по польскому образцу, имела бы нечто подобное польскому сейму, – очень странное для классического колониализма явление!

Финляндия, минув войну с Россией, отошла к России от Швеции, тоже не теряя, а в какой-то момент даже и приобретая большую, чем прежде, самостоятельность, еще укрепившуюся при Александре Втором, а при Ленине совершенно бескровно эта страна отделилась от России.

Особое значение имеет и наша географическая пространственность.

Центральные российские губернии, собственно Россия, многие века не соприкасались с иностранными государствами непосредственно и не были под чужеземным правлением. Все попытки такого рода кончались для завоевателей полной неудачей – так было с нашествиями шведов, с польско-литовской агрессией, с нашествием Наполеона, а уже в XX веке – с агрессией Германии.

Действительно успешной, продолжительной и обширной агрессией в отношении России было монголо-татарское иго, но и оно носило свои специфические черты: монголы не навязывали России свой язык, свое вероисповедание, свое политическое устройство, а только с жестокостью собирали дань, этим в основном и ограничивались.

Наша национальная психология очень долго складывалась, но так и не сложилась окончательно, и все то, что мы нынче понимаем (и не понимаем) под словом "славянство", позволило Ленину легко создать "союз нерушимый" самых разных народов, нынче же способствовало стремительному разрушению этого союза и возникновению множества проблем, в связи с этим разрушением явившихся.

Для европейских метрополий гораздо проще было отделение от них их заморских территорий. Собственно, ни одна страна никогда не переживала национальный вопрос так, как переживаем его мы, при том, что вопрос этот, помимо всего прочего и прежде всего, размывает наши представления не только о своих соседях, но, что гораздо существеннее, – о самих себе.

Культура, демократия и тоталитаризм. С. П. Залыгин filosoff.org
Не воспринимая себя как некую безусловную данность, мы не приобрели соответствующего национального иммунитета и вот болеем всеми болезнями мира, будь то болезни национальные, исторические или современные, религиозные, капиталистического или социалистического образа.

Мы ищем лекарства, но, не обладая необходимым иммунитетом, принимаем их без разбора. Одним из таких лекарств является, по-видимому, художественная литература. Благородная сама по себе, она, однако, не научила нас собственному благородству в той мере, в которой должна была бы это сделать.

Мы оказались предоставленными самим себе, и хотя это может показаться странным, но, будучи одиноки и безыммунитетны, в значительной мере потеряли перспективу своей собственной судьбы. Как очень емко сказал в "Бесах" Достоевский: "В моде был некоторый беспорядок умов", - так вот, эта "мода" давно уже стала нашей повседневностью, от которой мы никак не можем отделаться, и мы как говорили "о полезности раздробления России по народностям с вольною федеративною связью... о восстановлении Польши по Днепр, о крестьянской реформе и прокламациях, об уничтожении наследства, семейства, детей и священников, о правах женщины" (там же), так говорим и сейчас.

Не удержусь от того, чтобы не привести и еще несколько цитат из того же гениального произведения (которое, кстати, Ленин называл "мразью" и бросил не дочитавши):

"Во всякое переходное время подымается эта сволочь, которая есть в каждом обществе, и уже не только безо всякой цели, но даже не имея и признака мысли, а лишь выражая собою из всех сил нетерпение и беспокойство".

..."Бесчестилась Россия всенародно, публично, и разве можно было не реветь от восторга?"

"Братцы, что же это? Неужели так и будет?"

Нет, "не будет", но так оно и есть! Нам все не с руки. Даже и компьютеризация грянула на нас, не подготовленных ни психологически, ни вообще логически, поскольку мы никак не можем свое даже и вовсе недавнее прошлое по достоинству оценить, избавиться от тоталитаризма, имя которому "хаос".

Такая, какая она есть, Россия, безыммунитетная и не определенная по отношению к самой себе, как бы судьбой предназначена быть испытательным полигоном для политических, экономических и нравственных проблем, поэтому едва ли не всем государствам интересно и поучительно все, что у нас происходит и нынче, они смотрят и мотают на ус, чаще всего комментируя, что нет, так делать не надо, надо делать по-другому.

Но вот что находит у нас благодатную почву, так это - культура.

Здесь чаще всего звучит комментарий противоположного смысла: надо уметь сделать так, как сделали они!

И это при том, что государство-то не столько поддерживает, сколько губит свою собственную культуру.

Однако же другой надежды, другого реального способа вписаться в мир, занять в нем свое достойное место и самим себе наконец-то ответить на вопрос о том, кто мы, у нас нет.

Путь трудный. Путь необычный.

Препятствия возникают ведь и со стороны самой культуры: она, как ничто другое, в сознании и в деятельности людей общечеловечна.

А что такое общечеловечность?

Я легко представляю себе отдельно взятого человека, его внешний облик, его характер и привычки. Несколько труднее, но все же можно представить себе отдельное государство в его границах и в его истории - но как представить себе человечество? Хотя оно столь же реально, как и отдельный человек, как отдельный народ.

Культура, по Далю – гармония между образованностью и нравственностью, больше стихийна, чем организована.

Может быть, этим она и близка нам, нашим душам.

Нужно уметь использовать и свои недостатки.

Опыт в этом отношении у нас кое-какой есть. Вспомним приведенные выше слова Пушкина: "Горе стране, находящейся вне европейской системы".

Мы же оказались вне. И при этом ни из одного источника мы столько не черпали, как из Европы, и ни в один источник мы – в смысле культурном столько не внесли.

* * *

Советская власть никогда не переставала быть властью тотально-чрезвычайной. Она обладала безукоризненно четкой генеральной линией партии, хотя эта линия и вела в никуда. Она обладала множеством "классовых врагов", начиная с тех голодных колхозников и колхозниц, которые собирали по жнивью колоски, с тех интеллигентов, которые в припадке антисоветизма называли Сталина "усатым", а Брежнева – "глупым", и кончая врагом внешним – американским империализмом, который конкурировал с Советами в космосе.

Сами же по себе мы были безукоризненны, были солью земли и надеждой землян.

Перестройка нарушила эту схему, это мировоззрение, но тут же ввергла страну в другую чрезвычайность – демократическую, когда говорить стало можно все что угодно, но реально изменить положение дел нельзя, – ничем другим коммунизм и не мог обернуться.

Новое демо-чрезвычайное положение – это множество псевдодемократических институтов, таких, как Дума, как Сенат, как бесчисленные комитеты и комиссии, которые только и делают, что компрометируют демократию и грызутся между собой.

Уже невозможно стало читать газеты, это какие-то криминальные листки, посвященные тому, кто кого и как обманул, при этом крупнейшим игроком становится само государство.

Каждое утро просыпаешься с вопросом: а не сегодня ли будет объявлено новое, новейшее, чрезвычайное положение со всеми атрибутами советской тоталитарности?

Из огня – да в полымя.

А почему так?

Да потому, что тоталитаризм враг даже не демократии, а культуры, он не нуждается в культуре. Ну разве что от случая к случаю театральной.

Обретение же культуры для России, прежде всего государственной, всегда было делом почти что невыполнимым.

Культуру нынче народу должно демонстрировать само государство, но какое там? Послушаешь наших руководителей, посмотришь на них – и уши вянут.

Даже и признаков такого рода нет, одни только "понимашь".

Ложь не может быть культурной по существу, вот и говорил тот же Леонтьев, что для обретения истинно государственной культуры нам потребуется лет двести.

Будем все-таки надеяться, что Леонтьев в сроках ошибался!

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!